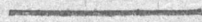

22 1/2

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИЗВѢСТІЕ
О
ПРЕБЫВАНІИ ВЪ МОСКВѢ
ФРАНЦУЗОВЪ
1812 ГОДА.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1813.

4828.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Провсвщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки, и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Марта 27 дня, 1813 года. По назначенію Ценсурнаго Комитета, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ Ординарный Профессоръ *Алекси Мерзляковъ*.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ,
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ,

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ
ПРИНОСИТЬ

ВѢРНОПОДДАННЫЙ

Князь Петръ Шаликовъ.

МОНАРХЪ!

Прости, Монархъ! вѣрноподданному въ смѣлоспи предсавишь опеческому взору ТВОЕМУ каршину бѣдспвій, преперпѣнныхъ любезными дѣшьями великаго ТВОЕГО сердца!

Взоры опеческіе не опвращаюпся опъ семейспва ни въ щаспїи, ни въ напаспяхъ. Сїе благодѣпельное вниманїе соспавляетъ для дѣшей благодарныхъ лучшее наслажденїе въ первомъ и лучшее упѣшенїе въ послѣднихъ. Равнодушїе, къ спому или другому, чуждо опцу семейспва — и Опцу народа!

Какой народъ , какое се-
мейство могутъ справедливѣе
ТВОИХЪ подданныхъ хвалиться
любовію Отца - Монарха!

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Патріотическое честолюбіе, вмѣстѣ съ другими обстоятельствомами, съ другими случаями, обезпечившими Сочинителя, рѣшили его оспашься въ Москвѣ, удержатъ свое семейство и нащество *Вандаловъ* почишатъ — химерою. Но непоспижимое, но благое Провидѣніе располагаетъ все по Своей премудрости: Оно возвратило спокойствіе и тишину священной Столицѣ нашей и страшно караетъ дерзость враговъ ея!

Людямъ чувствительнымъ не трудно вообразить, что онъ долженъ былъ претерпѣть, видя въ безпреспанныхъ обморокахъ, въ ужасномъ опчаяніи ближайшихъ своихъ родственниковъ! Собственное спраданіе конечно для него было легче несравненно.

Чишашели могутъ ожидать, что Сочинишель дозволитъ себѣ *мщеніе* на счетъ *справедливости*: онъ увѣряетъ ихъ, что послѣдняя всегда будетъ порожествовать надъ первымъ.

24 Декабря, 1813.

Москва.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ МОСКВѢ

ФРАНЦУЗОВЪ.

„Когда наши преспуленія — говоришь Поэты вѣковъ прошедшихъ, но говоришь какъ современникъ нашъ — достигнувъ до высочайшей степени, не заслуживаютъ болѣе прощенія, то Небо, всегда справедливое, оказываетъ судь свой, какъ прежде оказывало Оно свое милосердіе; и въ такомъ случаѣ не рѣдко оспавляетъ насъ свирѣпымъ тиранамъ, чудовищамъ жестокости, которыхъ надѣляетъ силою причина зло и гениемъ наноситъ бѣдствія. Таковы были въ Римѣ Марій и Силла, оба Нерона, бѣшеный Калигула, Домиціанъ и послѣдній изъ Антониновъ. Таковъ еще былъ Мак-

симилянъ, возведенный изъ самага низкаго соспоянїя простонароднаго на управленіе Имперіей. По той же причинѣ, гораздо прежде, Креонъ родился въ Фивахъ, Мезенцъ въ Эпуріи; по той же причинѣ Италія, споль часто ушучняемая кровію своихъ народовъ, была предана, во времена менѣе опдаленныя, Гуннамъ, Говамъ и Ломбардамъ. Упомянули о безчеловѣчномъ Ашпилѣ, о гнусномъ Эзелинѣ, подвигнушихъ Небомъ къ наказанію продолжипельныхъ слѣдствій преслушенія? Но какая нужда искашь въ древности сихъ бѣдственныхъ примѣровъ! Не испытали ли мы въ наши дни подобныхъ нещаспій? не зрѣли ли мы себя преданными, подобно спаду безполезному и пораженному заразою, хищнымъ волкамъ, которые насытясь нашею кровію и мясомъ, призывали изъ - за Альповъ другихъ волковъ, еще кровожаднѣйшихъ, для поглощенія горестныхъ нашихъ остатковъ? Кровь, пролитая на берегахъ Фразимены, Требии и въ долинахъ Канскихъ, ничто въ сра-

внени сѣ пою, которая умножила волны Адда, Мелла, Ронко и Тарѣ. Богъ желаетъ безъ сомнѣнія, чтобы мы были наказаны за излишества нашихъ пороковъ народами, можетъ спастись еще виновнѣйшими насъ. Ежели сіи спрашныя уроки возвращающъ насъ къ нашимъ обязанностямъ, то наступитъ время, когда Божественное Правосудіе, упомянутое беззаконіями варваровъ, избереетъ насъ для опустошенія ихъ странъ безутѣшныхъ.“

Историкъ новѣйшихъ варваровъ, новѣйшаго Вандализма, наконецъ человека, вмѣщающаго въ одномъ своемъ характерѣ всѣхъ наименованныхъ Поэтомъ бичей человечества — словомъ: историкъ Наполеона и его Французовъ, при помысленіи объ ужасныхъ картинахъ народовъ, населяющихъ Европу; картинахъ столь сходныхъ съ тѣми, которыя сію минушу были передъ нашимъ взглядомъ, долженъ сказать то же самое, что говоритъ ихъ живописецъ.

Возьмемъ же и мы рѣзецъ истины и безпристрастія, чтобы изобразить неизгладимыми чертами на памяти каждаго Россіянина злодѣйскіе подвиги враговъ его Государя, его Опечесшва, его семейсшва, его личности, его общшвенности; враговъ, копорыхъ сама Природа ни проспранспвомъ мѣсшвъ, ни различіемъ климатовъ, ни временами года не можетъ основать въ презрительныхъ видахъ, подлой корысти; копорые отъ одного конца вселенной до другаго, изъ одного Зона въ другой бѣгаютъ за нею съ испугленіемъ древнихъ варварскихъ народовъ, . усшупающихъ новымъ просвѣщеннымъ въ коварной политике, въ адской хитроссти, въ ушонченной злобѣ: слѣдовательно жесточайшимъ варварамъ; и названіе Француза нынѣ содѣлалось именемъ Вандаала. Ученое выраженіе *стратегіи* есть не иное что, какъ переводъ невѣжественнаго *вандализма*.

Императоръ Наполеонъ не есть ли царь Коракейцовъ, а судьба его —

пушешешвенникъ Вальянъ, копто-
рой избралъ сего царя симъ Кора-
кейцамъ, надѣвши на него, передъ
безсмысленными Африканскими ди-
карями, случившуюся у пушеше-
швенника Гренадерскую шапку, съ
вычищеною нарочно для сего мѣд-
ною бляхою; и послѣ сей предва-
рипельной церемоніи, предписавши
народу молчаніе и пославивши близъ
себя *монарха*, хранившаго смѣшную
важноспь, украсилъ его разноцвѣт-
ными спеклянными камышками, и
по окончаніи *коронованія*, поднесъ
ему зеркало, чшобы онъ имѣлъ удо-
вольствіе разсмотрѣть самого себя;
напослѣдокъ указалъ на него под-
даннымъ, которые изъявили радость
свою крикомъ и рукоплесканиемъ
безконечными.

Но Вальянъ говоритъ: „Добрые
люди, меня чшпающіе! вотъ все,
чего стоило мнѣ возшановленіе
мира и тишины въ нѣкоторой
спранѣ свѣта, и воспрепятствованіе,
чшобы жштели ея не пере-
рѣзали другъ друга. Съ эшой ми-

нушы спокойствіе и согласіе водворились между нами.“ А судьба — если бы она говорила съ нами языкомъ органическимъ — сказать сего не можешь! Она долженствовала бы сказать: „Нещастные люди, наказываемые мною! Вопль чего споила вамъ прихоть моя — избраніе проспаго Норсиканца въ цари недостойные!“

Здѣсь оканчивается мое вступленіе. Отсюда начнется исторія взятаго мною предмета. Будучи очевидцемъ происшествій, Сочинитель замѣнитъ сею печальною выгодою неопытность свою въ родѣ историческомъ; и ежели не всѣ мѣста будущъ вѣрны съ каждою подробностію; ежели нѣкопорыя ознаменуются духомъ сильнаго негодованія, — первое произойдетъ отъ того, что непроницаемый мракъ *генія тьмы* тщательна покрываетъ дѣла вѣроломныя: послѣднее — отъ воплей сердца, которые, можетъ спастся, вырвутся иногда изъ груди произвольно. Совсѣмъ тѣмъ внимательное наблюденіе зри-

шеля довольно приближися къ первымъ во всякомъ случаѣ; догадки и предположенія не разойдутся съ ними прошивными пущами, и уваженіе къ истинѣ будетъ всячески преодолевать последнее.

2 Сентября 1812 года есть повороте эпохи въ лѣтописяхъ Московскихъ, бывшей за двѣсти лѣтъ передъ симъ — нашествія Липовцовъ и стратегіи Французовъ, копорую мы будемъ называть просто вандализмомъ; ибо *изобрѣтательный духъ* Галловъ ведетъ ихъ по *проложеннымъ слѣдамъ* невѣжественными варварами.

Въ четыре часа передъ вечеромъ сказаннаго дня нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ съ горы, называемой *Поклонною*, на Можайской дорогѣ, вершахъ въ прехъ отъ древней Руской Столицы, возвѣстили о дерзновенномъ къ ней приближеніи непріятели, и въ то же время были голосомъ пребыванія ключей ея. Долго на одномъ мѣстѣ предъ

водишель ожидалъ подобоспраспной
вспрѣчи и пышнаго пріема. Но ве-
личеспвенная въ самомъ беззащип-
номъ состояніи Москва раздражала
пылающіе корысполобіемъ взоры
Наполеона, его согрудниковъ, его
полчищей — и болѣе ничего. На-
послѣдокъ Король Неаполипанской
былъ опряженъ съ передовою кавалеріею
черезъ Дорогомилоскую за-
спаву прямо въ Кремль; между
тѣмъ, какъ часъ пѣхошы входила
въ Серпуховскую и Прѣсенскую
заспавы, и вопреки спрогому воен-
ному порядку бросилась во всѣ спор-
роны, наводнила предмѣспія, по-
добно весеннему разлишію быспрой
рѣки; и когда завѣса ночи спала
опускашься съ небесъ, — ужасное
пламя вознеслось къ нимъ изъ пѣдрѣ
гореспной Спотицы, и спрашные
вошли раздались подъ нещаспными
кровами оставшихся ея жипшелей:
пожаръ и грабипшельсшво начали
спирѣспшвовать! Чешверо сушоекъ
продолжалось шо и другое во всемъ
своемъ ужасѣ, неописанномъ, не-
вообразимомъ!

Императоръ оспавався ночевашъ за городомъ. На другой день по утру (3 числа) вступилъ въ оной подъ звуками военной музыки, сопровождаемый гвардіями конными и пѣшими: Французскою, Испаніанскою и Польскою, и занялъ Кремль. Арміи облегли Спoлицу на нѣкоторомъ разстояніи отъ оной, ближе или далѣе; папрули начали разбѣжашъ по городу, сповойно взирая на необузданность солдатъ, бѣгающихъ изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу, подъ грузомъ добычь, и ловили однихъ зажигашелей — *Рускихъ*, топчасъ разстрѣливали несчастныхъ, можешъ бытъ напрасно обвиняемыхъ, и слѣдственнo открытъ новый источникъ жестокости, нигдѣ еще до сихъ поръ не содѣланной.

За преступленьями идутъ во слѣдъ другія!

Были разстрѣляны зажигашели и Французы, вѣроятно для вида справедливости.

На претій день (4 числа) ужасная буря разлила пламень по всѣмъ часнямъ города. Наполеонъ, котораго душа безъ сомнѣнія веселилась образомъ шаршара, самъ Наполеонъ устрашился *огненныхъ рѣкъ*, и выѣхалъ изъ Кремлевскаго дворца въ Петровской ночевашь, или справедливѣе сказашь, бодрствовашь въ безмолвіи полей, его окружающихъ, надъ изобрѣшеніемъ плановъ къ пагубѣ Россіи. Но можетъ бытъ Правитель міровъ самому ему тогда же изрекъ пагубу! — По прошествіи сутокъ Наполеонъ возвратился въ Кремль.

Вороша Спаскіе попчасъ заколошились наглухо и заставились рогаткою; а въ Никольскихъ, подъ башнею, спали часовые, за нею караулъ съ Офицеромъ, непронускающій въ Кремль изъ Рускихъ никого — выключая гоняемыхъ туда на работу — безъ билета отъ Дворцоваго Маршала, котораго, думаю, ни одинъ Руской не просилъ объ ономъ, и который безъ

сомнѣнія отпказалъ бы въ немъ каждаму (1).

Почти всѣ церкви благочестивѣйшаго града въ православномъ мірѣ, Москвы, заняты были лошадами, или фуражемъ и провіантомъ; нѣкошорыя женщинами, посаженными за работу въ самыхъ олшаряхъ; многія служили убѣжищемъ для жищелей, лищенныхъ

(1) Всѣ Наполеоновы обряды — отъ духовныхъ до придворныхъ — суть не иое что, какъ ложный, обманчивый призракъ, уловляющій въ паушинныя сѣти свои жалкое легкомысліе. Сей Корсиканецъ, возвратившій Французамъ религію и монархію, приходитъ къ Христіанскимъ Государямъ лишашъ ихъ Пресполовъ и оскверняющъ Олтари храмовъ; сей Наполеонъ, призвавшій нынѣ въ свою столицу Главу Капшолической церкви, дозволяетъ Греческія превращашъ въ конюшни! Какія правила, подаешъ онъ своимъ подданнымъ? Какіе нравы образуешъ въ нихъ? Самъ Апшила умблѣ иногда уважашъ досшойное уваженія; онъ прошелъ *мимо* Рима, для того единственно что Первосвященникъ, вышедъ къ завоевателю на встрѣчу во всемъ своемъ облаченіи, просилъ пощадить *святую* столицу. Здѣсь очень къ спаши сказать, что новый Апшила не пощадилъ ни сей святой столицы, ни Намѣстника Христова.

другаго убѣжища; всѣ безвѣзвѣстныя ограблены, во всѣхъ разбросаны иконы, сняты оклады, если они были серебряныя; валялись упвари, если онѣ были не серебряныя и проч. и проч. Грубые Вандалы находили ребяческое удовольствіе звонить въ колокола, и вѣроятно утѣшались тѣмъ, что обманывали набожныхъ простолюдимовъ, которые могли подумать, что благовѣстятъ къ обѣднѣ, къ вечернѣ — и обманывались дѣйствительно, пока не привыкли къ симъ богоотступнымъ забавамъ жалкихъ безумцевъ (1).

Воспитательный Домъ, благодаря дѣятельной и неунывающей попечительности его Начальника, былъ пощаженъ оубъ грабительства и спасенъ оубъ пожара. Наполеонъ захопѣлъ видѣть сего достойнаго Начальника; призвалъ его

(1) И Литовцы дѣлали въ Москвѣ то же, что Французы; но какое должно быть различіе между шѣми и другими! Первыхъ едва озарила еще вѣра христіанская, а послѣднихъ многіе вѣки освѣщаетъ она полнымъ своимъ сіяніемъ.

къ себѣ (1), встрѣтилъ привѣш-
ствіями на счетѣ хорошо испол-
няемой имъ должности, спрашивалъ
о состояніи Дома и наконецъ пред-
ложилъ вопросъ, довольно запруд-
нительный: „Кто зажегъ Москву,
Рускіе или Французы?“ — Прямоду-
шный и смѣлый Начальникъ отвѣ-
чалъ: Жгли и Французы. „Не-
правда! — сказалъ Наполеонъ съ
сердцемъ — одни Рускіе.“ но удер-
жалъ гнѣвъ свой, и разстался съ На-
чальникомъ ласково. Такъ щастлива
была минуша ихъ свиданія!

(1) Черезъ Секретаря своего, который послѣ
учивостей, сказанныхъ имъ отъ Импе-
рагора, вдругъ разсмѣялся, и окончилъ
рѣчь свою на Рускомъ языкѣ. Начальникъ
удивился и не зналъ, что подумать. Но
досолъ вывелъ его изъ недоумѣнія, на-
звавъ себя по имени и напомнивъ ему о
времени и обстоятельствевахъ знакомства
ихъ. Это былъ всѣмъ намъ извѣстный
путешественникъ Делоръ, жившій передъ
симъ лѣтъ за восемь въ Москвѣ довольно
долго, и учившійся поруски очень при-
лѣжно. Онъ сказалъ при томъ случаѣ,
что правительствомъ Французское посы-
лаемъ всюду подобныхъ путешественниковъ
учиться въ особенности языкамъ.

Ничего не было прогашельнѣ зрѣлища, какѣ опчаянные жишели Москвы переходили изѣ одного мѣста въ другое, изѣ одной части города въ другую, изѣ угла въ уголъ, съ бѣдными остатками своего имущества, въ узлахъ сберегаемаго, преслѣдуемые, гонимые грознымъ пожаромъ и безжалостными грабителями, которые вырывали изѣ шрепещущихъ рукъ послѣднюю одежду, или послѣдній кусокъ хлѣба! Малѣйшее сопротивленіе стоило ударовъ ружьемъ или песткомъ, не взирая ни на полъ, ни на лѣша. Я видѣлъ почтеннаго старца, мирнаго гражданина, отдыхавшаго на браинныхъ лаврахъ, украшеннаго орденами; видѣлъ, говорю, съ глубокою ранюю на щекѣ, полученною имъ въ безмолвномъ смиреніи, при неистовствѣ *Вандаловъ*, отъ одного изѣ нихъ, распаленнаго жаромъ Бахуса и Плутуса — двухъ идоловъ, которыми преимущественно поклоняющся сіи Вандалы; слышалъ о богашыхъ, о чиновныхъ людяхъ, которые упошреблялись ими въ самую

презрительную робшу, — подъ тяжелую ношу гнусной добычи, и проч. И шакова была судьба почти всѣхъ Московскихъ жителей! весьма немногіе избѣжали ее.

Но ежели сія горестная Сподица, обхваченная когшями шигра и угрожаемая его челюстями, не могла обороняшья, не могла мстить за самоё себя; то окружающіе машь свою города и села опмщали за нее безъ всякой пощады. Славный происхожденіемъ рода своего Генераль *Детре*, напоминающій именемъ своимъ прекрасную Габриелль и добраго Генриха, заплапилъ въ семъ случаѣ жизнь за многихъ безвѣстныхъ собратій своихъ.

По прошествіи четырехъ дней (7 Сентября) учредился гарнизонъ, распавились караулы во всѣхъ Частяхъ города, показались Коммисары и Комменданшы; на шестой (8 числа) гвардіи пѣшія и конныя: Французская, Италіянская и Польская, заняли въ Москвѣ кварширы;

наконецъ явилась на воротахъ Комменданшовъ и на ибкопорыхъ публичныхъ мѣстахъ слѣдующая печатная на Французскомъ и Рускомъ языкахъ прокламація, списываемая мною отъ слова до слова:

„Жишели Москвы!

„Нещасія ваши жестоки! но
„Его Величество Императоръ и
„Король хочеть прекратишь печене
„ніе оныхъ.

„Спращные примѣры васъ научи-
„ли, какимъ образомъ онъ наказы-
„ваетъ непослушаніе и престу-
„пленія (1).

„Спрогія мѣры взяшы, чшобы
„прекратишь беспорядокъ и воз-
„вратишь общую безопасностьъ.

„Ошеческая Администрація, из-
„бранная изъ самихъ васъ, соспав-
„ляшь будетъ вашъ Муниципали-

(1) Чьи? кому? передъ кѣмъ? и въ чемъ?

„шеть или Градское правленіе. Оное
 „будеть пещись объ васъ, объ ва-
 „шихъ нуждахъ, объ вашей пользѣ.

„Члены онаго отличаются крас-
 „ною леншою, которую будутъ но-
 „сить чрезъ плечо, а Градской Го-
 „лова будутъ имѣть сверхъ онаго
 „бѣлый поясъ. Но исключая время
 „должности ихъ, они будутъ имѣть
 „только красную леншу вокругъ
 „лѣвой руки.

„Городовая Полиція учреждена
 „по прежнему положенію; а чрезъ
 „ея дѣятельность уже лучший су-
 „ществуетъ порядокъ. Правитель-
 „ство назначило двухъ Генераль-
 „ныхъ Коммисаровъ или Полицмей-
 „стеровъ, и 20 Коммисаровъ или
 „Частныхъ Приставовъ, постано-
 „вленныхъ во всѣхъ прежнихъ Ча-
 „стяхъ города. Вы ихъ узнаете по
 „бѣлой леншѣ, которую будутъ они
 „носить вокругъ лѣвой руки.

„Нѣкоторыя церкви разнаго испо-
 „вѣдованія открыты, и въ нихъ

„безпрепятственно (1) отправляеш-
„ся Божественная служба.

„Ваши сограждане возвращаются
„ежедневно въ свои жилища (2), и
„даны приказы, чшобы они нахо-
„дили въ нихъ помощь и покрови-
„тельство (3), слѣдующее нещасію.

„Сіи суть средства, копорыя
„Правительство употребило, чшобы
„возвратить порядокъ и облег-
„чить (4) ваше положеніе; но чшо-
„бы достигнуть до того, нужно
„чшобы вы съ нимъ соединили ваши
„старанія, чшобы забыли, если мо-
„жно (5), ваши нещасія, копорыя
„прешербли, предались надеждѣ не
„споль жестокой судьбы, были увѣ-

(1) Должно ли было препятствовать?

(2) Тѣ сограждане, копорыя испытали вашу жестокость внѣ оныхъ еще болѣе!

(3) Не находя и не надѣясь найти — куса хлѣба.

(4) Чшо касается до сего слова, шо оно было исполнено на дѣлѣ со всею точностію — въ извѣстномъ смыслѣ.

(5) Трудное условіе!

„рены, что неизбежная и поспыд-
 „ная смерть ожидаетъ шѣхъ, кои
 „дерзнулся на ваши особы и остав-
 „шіяся ваши имущества (1), а на-
 „последокъ и не сомнѣвались, что
 „онѣя будутъ сохранены (2), ибо
 „такая есть воля величайшаго и
 „справедливѣйшаго изъ Монар-
 „ховъ (3).

„Жители! какой бы вы націи ни
 „были, возстановите публичное до-
 „вѣріе (4), источникъ щасія Го-
 „сударствъ, живите какъ братья
 „съ нашими солдатами (5), дайте
 „взаимно другъ другу помощь и
 „покровительство, соединитесь;
 „чтобы опровергнуть намѣренія
 „зломыслящихъ (6), повинуйтесь

(1) Противъ сего пункта не могло уже быть преступниковъ.

(2) Хранить то, чего нѣтъ — какое благо-
 дѣяніе!

(3) !!

(4) Не пустыя ли слова?

(5) Какъ братья? — съ нашими грабителями,
 душегубцами?

(6) Спало ваши.

„воинскимъ и гражданскимъ Началь-
 „спвамъ (1), и скоро ваши слезы
 „печь перестанутъ (2).

„Москва $\frac{19}{1}$ Сентября 1812,
 Окиября

„Интендантъ или управляющій
 „городомъ и Provinciєю Мос-
 „ковскою

„Лесенсь.“

Всѣ знающіе грамоти читали прокламацію и пересказывали незнающимъ ея содержаніе; но ни на одномъ лицѣ не замѣнилъ я оправданнаго впечатлѣнія. Казалось, тайный голосъ сердца говорилъ каждому, что не возможно ожидать событія общаній; что онѣ заключаютъ въ себѣ какую-нибудь хитрость и опасное обольщеніе; что безъ особеннаго промысла Божія не лзя было избѣжать голодной смерти — уже единственнаго нещасція, которое

(1) Своимъ ничто лучше насъ не повинуется.

(2) Но только не по вашему челоѣколюбію.

предстояло — при алчныхъ волкахъ, все пожирающихъ. И чина-
тели и слушатели опходили отъ
сей, дышащей Сен-Клудскою улов-
кою, прокламаціи съ помными взо-
рами, подвѣшыми къ Небесамъ, гдѣ
они искали другаго, вѣрнѣйшаго
утѣшенія.

Мы увидѣли бѣлыя ленты на лѣ-
вой рукѣ, но не видали праваго дѣла
торжествующимъ. Рускіе, упообре-
ленные въ Полицейскую должность,
служили для согражданъ своихъ
только переводчиками; ибо на влась,
имъ данную въ пользу согражданъ,
Французы не очень смотрѣли. Гра-
бежи и своевольства въ опдален-
ныхъ мѣстахъ отъ карауловъ про-
должались, и — въ слѣдъ за первую
явилась другая печатная же на обо-
ихъ языкахъ прокламація, копорой
у себя не имѣю, на копорую взгля-
нулъ я мѣлкомъ и копорая начина-
лась такимъ образомъ:

„Не взирая на запрещенія, гра-
„бительства въ нѣкопрыхъ ча-

„спяхъ города не прекращаются: „шо “ и сказано, какія прошивъ сего берущся новыя мѣры и употребляются еще средства. Но только что сказано; ибо мѣры и средства оспавались уже лишними, потому что не было болѣе *материаловъ* для пресупленія.

Часть города, называемая *Прѣсною*, занята была конными гвардейскими гренадерами и пѣшею Италійскою гвардіею. Каждый день первые, въ полномъ вооруженіи, ѣздили за фуражемъ верстѣ за 30 отъ Москвы, и почти всякой разѣ возвращались съ пошереею прекрасныхъ лошадей и людей своихъ отъ нападенія или Козаковъ, или крестьянъ. На послѣдокъ эша голодная саранча, опустошавшая богатыя отъ обыкновеннаго урожая окрестныя поля и села, выведена была въ *Островъ*, извѣстную подмосковную Графини Орловой, откуда черезъ недѣлю прилетѣла опять въ Москву безъ памяти: Козаки выгнали нагайками сихъ робкихъ, избалован-

ныхъ и до глушости гордыхъ сашелишовъ Наполеона (1).

Достойно замѣчанія, что по среди спрашныхъ развалинъ и печальныхъ осчатковъ пылавшаго нѣсколько дней геенскимъ огнемъ города, нимало не поврежденный, прекрасный, великолѣпный домъ, бывшій собраніемъ веселостей, гремѣвшій балами, спектаклями, маскарадами, концерсами и проч., остался вѣренъ судьбѣ своей — шѣмъ же мѣстомъ удовольствія: говорю о домѣ господина Позникова. Въ этомъ щасливомъ, подобно своему хозяину, домѣ играли Московскіе Французскіе актеры, которыхъ наконецъ зрители — разумѣется, что были ими одни гости — пощипали за собою. Мнѣ случилось видѣть первыхъ въ самое то время, когда они выѣзжали въ слѣдъ за послѣдними. Я спросилъ у нихъ,

(1) Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ чистосердечно, что *двухъ солдатъ* сей гвардіи не убило въ сраженіи — то есть на полѣ чести. Теперь онъ, если живъ самъ, сказать сего не можетъ.

куда они йдутъ? „Не знаемъ!“
 опивчали все вмѣстѣ чада забавъ
 такимъ печальнымъ голосомъ и съ
 такимъ жалкимъ выраженіемъ, что
 въ самомъ дѣлѣ было жалко и пе-
 чально смотрѣть на нихъ. Мнѣ
 вообразились они тогда *актерами* на
 обширной, истинно прагматической
 сценѣ всеобщаго бѣдствія, играю-
 щими роль *страдающаго человечества!* ..
 А особливо прогашельно для меня
 было ихъ прощаніе *на улицѣ* съ Ру-
 скими, у нихъ служившими. Каза-
 лось мнѣ, что взоры съ обѣихъ сто-
 ронъ говорили: *навѣки! навѣки!* Нѣ-
 сколько разъ оглянулся я на пуше-
 шественниковъ *противъ воли*, если
 не ошибаюсь. У насъ было имъ
 такъ хорошо!

Между тѣмъ мрачный владыко-ни-
 къмъ изъ насъ невидимый и окружен-
 ный Кремлевскими стѣнами, занимал-
 ся любимую своею работою — подна-
 пываніемъ сихъ самыхъ стѣнъ. Ге-
 нію разрушителью ничто не можетъ
 быть свойственнѣе и пріятнѣе сего
 упражненія. Знаю, что закономъ

военнымъ дозволяется взрывать, уничтожать непріятельскія крѣпости; но сіи два слова: *законъ* и *Наполеонъ*, не должны бытъ вмѣстѣ подѣ перомъ испорика — ни даже стихотворца, ежели не хочешь жертвовать *славою рифмъ*.

Сей *Омаръ*, котораго испреби-пельною рукою превращены въ пепелъ не однѣ *библиотеки* наши, но и жилища, бздилъ — но весьма рѣдко — между ихъ развалинами, верхомъ въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя и обыкновенной свиты — по естъ *Мамелюка*, *Принцовъ* и *Королей* — къ тому или другому изъ сихъ послѣднихъ, или къ ордамъ своимъ за городъ, гдѣ провождалъ иногда по нѣскольку сушукъ. Ново-дѣвичій монастырь видѣлъ со-спаша, *Наполеона*, въ свашой своей оградѣ, которую осматривалъ онъ со вниманіемъ и передъ главными воротами которой вскорѣ явилась высокая бапарейная насыпь съ глубокимъ ровомъ, а самыя ворота были заложены брусьями. Вообразите му-

чительное безпокойство спрашной неизвѣстности, въ которой до самаго побѣга Французовъ находились робкія, беззащитныя дѣвы, — что будетъ съ монастыремъ и съ ними! Но Богъ, которому онѣ посвящали себя, спасъ ихъ невредимо; бапаря и тогда же сдѣланный на противной сторонѣ проломъ въ стѣнѣ оспались — грозными слѣдами какого-то злаго намѣренія, и шолько.

Кажется, что Наполеонъ имѣлъ помышленіе зимовать въ Москвѣ — о чемъ не рѣдко разносились и слухи — ибо онъ вызывалъ печатными бумагами на обоихъ языкахъ, не пожелаешъ ли кто подрядиться на чищеніе улицъ, на освѣщеніе оныхъ фонарями и на постройку будокъ для часовыхъ; или цѣль его при этомъ была — *распространить фальшивыя ассигнаціи*, которыя онъ привезъ съ собою изъ Парижа — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и которыми выдавалъ жалованіе своимъ солдатамъ; цѣль — нанесъ чувствительный вредъ нашему дене-

жному кредиту. Французы безпре-
 естанно присступали къ намъ, обо-
 браннымъ ими до послѣдней нишки,
 не обвиняемъ ли ихъ ассигнацій,
 новыхъ, по большой части спо-
 рублевыхъ, на *серебро*, съ предложе-
 ніемъ чрезвычайно большаго лажа,
 морщась между тѣмъ, что пла-
 тивъ имъ за тяжкіе труды ихъ
 столь легкою монетою. Но разбой-
 ническія добычи, освященныя въ
 бѣдственномъ нашемъ мѣрѣ именемъ
права войны, съ излишествомъ воз-
 награждали враговъ всякаго истинно
 священнаго права; и не лъзя было
 не улыбнуться сквозъ горькихъ
 слезъ, видя солдата бѣдущаго вер-
 хомъ въ женскомъ салопѣ, въ жен-
 ской шубейкѣ, или въ крестьянской
 шапкѣ, въ крестьянскомъ кафтанѣ;
 и Кавалеровъ Почетнаго Легіона,
 унтеръ- и оберъ-офицеровъ, расха-
 живающихъ въ мужичей обуви —
 въ копахъ. Для вышесказанной же
 цѣли безъ сомнѣнія дано сто ты-
 сячь рублей ассигнаціями созданному
 беззаконною властію *Градскому*
головѣ на закупку жизненныхъ при-

пасовъ по окрестнымъ городамъ и селамъ; ибо можно ли было полагаться на успѣхъ шакого препорученія? — на вѣрность людей, покарившихся одной силѣ, и на нѣкоторое число жандармовъ, ихъ сопровождавшихъ? Вспрѣча на примѣръ съ *Козаками* могла все уничтожить; но *деньги* пошли бы въ обращеніе — а сего и довольно. Мнѣ совсѣмъ неизвѣстно, какъ сіе дѣло кончилось.

Обносившіеся солдаты — даже офицеры закидали женщинъ нашихъ работою — непрестаннымъ шитьемъ рубашекъ изъ награбленныхъ холстовъ, полощень, мискалей и проч., плащя или не плащя, единственно пошому, кпо честиѣ; ибо въ такомъ множествѣ людей различнаго происхожденія, различнаго воспитанія, различныхъ націй есть честные, добрые, великодушные и чувствительные: сего признанія требуетъ здравый разумъ и святая справедливость. Таковы большею частію *Итальянцы*. Можно и

должно назвать ихъ аншиподами *Баварцовъ*. Сіи послѣдніе мспяшб, кажешся, на другихъ по, что они прешерпѣвали нѣкогда отъ Французовъ, чѣмъ долгое время плашили за надѣшную корону на ихъ Курфирша и во что шало имъ пышное имя *Королевства*.

О Пальмб, несчастный Пальмб, примѣрѣ души великой (1)! ты содѣлался невинною жершвою ясныхъ, какъ солнце, испинб, и рѣдкой въ наше время швердосши даннаго слова! Покойся же свъ вѣицомъ праведника на лонѣ Творца Всемогущаго и Всевѣдающаго! Горешное швое семейшво имѣло опраду, имѣло ушѣшение въ искреннемъ и дѣяшельномъ сосшраданіи душъ, швоей подобныхъ.

Я вспомнилъ о книгѣ (2), за которую шполь мужешшвенно, шполь

(1) Да прешится мнѣ сей нечаянной стихъ въ прозѣ! Онъ излилси самъ собою изъ моего сердца — и я не хощѣлъ покорить сердешнаго шщества условному закону.

(2) Подѣ названіемъ: *Германія въ глубокомъ униженіи*. Сочинишель просилъ Пальма не

благородно погибъ, сей почтенный книгопродавецъ, и погибъ отъ мрачнаго страха Сен-Клудской шпирани; вспомнилъ и не могъ вопрошившись сему отступленію.

Невѣроятно, до какой степени проспирается энтузіазмъ къ Наполеону между нѣкоторыми его — орудіями честолубія! Говоря съ однимъ Польскимъ Генераломъ о военныхъ качествахъ, о политическихъ видахъ, о духѣ и характерѣ Наполеона, я сказалъ, что онъ во многомъ похожъ на Александра Македонскаго, которому вселенная казалась недоспапочною для побѣдъ его; который отца своего Филиппа пожаловалъ Юпитеромъ, а садовника Абдалонима царемъ Сидонскимъ; который Полякъ разгорячился, не допустилъ меня говорить далѣе и прогладивши длинные усы свои, воскликнулъ : „Наполеонъ не имѣетъ образца! онъ самъ образецъ во всемъ

открывать его имени — и Пальмъ при всѣхъ ужасахъ видимой смерти не объявилъ допрашиваемой шпаны.

и для всѣхъ!“ Я продолжалъ спокойно, не взирая на запальчивое возраженіе гордаго Писа: Но будешь ли имѣть Наполеонъ своего Квинта-Курція? . . . Кто захочетъ возложить на себя обязанность прославлять сего Александра! — хотѣлъ я прибавить, но воздержался. Полякъ опворошился отъ меня и ушелъ. Ежели бы онъ пожелалъ слушать далѣе, то я сказалъ бы еще, что и Карлъ XII пошелъ-было по слѣдамъ Александра Великаго, но кончилъ поприщемъ Дон-Кихота. Можетъ быть ша же участь ожидаешь и Наполеона.

Надобно при этомъ знать, что вообще Поляки шерпѣшь не могутъ Французовъ; называютъ ихъ высокомерными, надменными, самодовольными и проч. Однажды эшошъ самый Генералъ Польской, раненой пулею въ ногу подъ Бородинымъ, и квартшировавшій на Прѣснѣ, сказалъ мнѣ съ явнымъ движеніемъ внутренняго удовольствія: „Французы выдутъ отсюда (то есть съ Прѣсни),

и на мѣсто ихъ спануть Италіяны: они лучше.“ Разительное противорѣчіе между тѣмъ, что и какъ говорилъ онъ со мною недавно о Наполеонѣ и теперь — о ближайшихъ его сателлисахъ! Надобно также знать, что Французы презирають Поляковъ.

Другой Польской же Генералъ, безъ сомнѣнія не болѣе довольный Французами какъ и земляки его, рассказывалъ при мнѣ о сраженіи, бывшемъ на Калужской дорогѣ, съ такою необычайною даже для Поляка хвастливостію въ пользу Французовъ, говорилъ такъ много и сильно о чудесахъ храбрости, помнился, Короля Неаполитанскаго и какого-то Полковника, своего соотечественника, что мнѣ нужно было все присутствіе благоразумія для удержанія смѣха. Такова сія рабственна нація!

Бывши однажды на квартирѣ у перваго изъ сихъ Польскихъ Генераловъ, впрочемъ весьма ласковаго,

снисходительнаго и добраго чело-
вѣка, служащаго Франціи со вре-
мени послѣдняго раздѣленія Польши
въ такъ называемомъ *Польскомъ Ле-
гіонѣ*, состоящемъ изъ тысячи *шлях-
тичей*, я увидѣлъ на столѣ кучу пе-
чашныхъ Рускими буквами листовъ,
подхожу, всмаприваюсь и — полу-
чаю экземпляръ слѣдующей нелѣ-
пицы (нарочно не поправляю ни
одного слова, чшобы Чипапели су-
дили, вмѣстѣ съ прочимъ, и о по зна-
ніи переводчика или сочинителя —
безъ сомнѣнія не *Рускаго* — въ Ру-
скомъ языкѣ):

*„Отзывъ Россіянь 17 Іюля найденный
на форлостахъ надъ рѣкою Двиною.*

„Французскіе воины! на новую
„войну влекушъ васъ, увѣряюшъ
„васъ, что Россіяне, опнимаюшъ
„справедливостъ мужесѣву вашему.
„Нѣшъ, друзья! почишаемъ мы хра-
„бросшъ вашу и узнаете о томъ
„въ день сраженія. Знайте, что
„армія по арміи спанешъ прошиву
„васъ, ежели надобностъ настояшъ
„въ томъ будешъ. Подумайте, что

„О 400 миль находишься отъ помо-
 „щей вашихъ! Не обмануйтесь пер-
 „выми оборотами нашими. Знаете
 „коротко Россіяны, что бы поду-
 „мали, что они бѣгутъ передъ вами.
 „Примемъ сраженіе, а въ то время
 „шрдно вамъ будете уступать.
 „Дружески совѣтуемъ вамъ: воз-
 „вращитесь въ дома полнымъ чи-
 „словъ. Не вѣрше обманнымъ сло-
 „вамъ, что сражаетесь за миръ.
 „Нѣтъ; вы сражаетесь за неукро-
 „шимую гордость Государя, копо-
 „рый не желаетъ мира; давно имѣлъ
 „бы оный. У него кровь храбрыхъ
 „воиновъ есть игрой. Возврати-
 „тесь въ дома; или ежели желаете
 „охраниться въ Россіи, позабудете
 „тамъ всѣхъ несчастій конскрип-
 „цій, вербунковъ, общаго восстанія
 „и всея жестокости военной, ко-
 „торая не дозволяетъ вамъ ни на
 „минушу освободиться отъ сего.

„*Отвѣтъ Французскаго гренадера.*

„Россіяне! Одни лишь рабы подъ
 „палками идутъ противъ своей

„воли: Французской солдатъ пови-
 „нуешься самому голосу чести и
 „закона.

„Никогда не вговаривано въ насъ,
 „чтобы вы не почитали храбрости
 „нашей. Амспешенъ, Голябрувъ,
 „Аустерлицъ, Пултускъ, Эйлау и
 „Фрейдляндъ суть весьма новые на-
 „мятники. Сего дня мы видимъ то,
 „что всегда видали: бѣгущихъ
 „передъ нами Благоразумные
 „обороны раздѣлили войска ваши
 „и пресѣкли однѣ корпусы отъ дру-
 „гихъ. Безъ всякой цѣли шапашающа
 „разсѣянныя колонны! Всѣ обозы и
 „укрѣпленія оставлены! Большия
 „магазинны или забраны, или испре-
 „блены! Столичной городъ Польши,
 „Россіею владѣемой, въ нашей вла-
 „сти! Шестъ милліоновъ Поляковъ
 „Липовской области соединивших-
 „ся съ пятью милліонами Варшав-
 „скаго Княжества, вооружается для
 „опысканія правъ своихъ! болѣ
 „6000 уже сихъ честныхъ Поля-
 „ковъ оставило службу вашу, и
 „соединилось съ нами.

„Предвидите, что уступать бу-
 „демъ. Гдѣжъ и когда мы усту-
 „пали передъ вами? Опзываетесь
 „съ такою дерзостью, къ какой
 „передъ 20 лѣтами приобыкли. Но
 „отъ того времени все перемѣни-
 „лось! дѣло уже рѣшено! знаемъ
 „весьма коротко!

„Говорите о неукротимой гор-
 „дости Государя нашего. Который
 „же изъ двухъ болѣе гордъ, пошъ
 „ли, что побѣдивъ уступаетъ для
 „любви мира изъ забранныхъ про-
 „странныхъ обласпей; или пошъ,
 „что побѣжденной забираетъ Фин-
 „ляндію, Молдавію, Валахію, часть
 „восточной Пруссіи, и Галлиціи? . . .
 „Гдѣжъ бы остановились Шведы,
 „Прусакіи, Австрійцы, если бы были
 „побѣдителями?

„Совѣшуете намъ бѣжать изъ
 „службы. Подлые только совѣ-
 „ствуютъ подлости. Мы никогда
 „вамъ сего совѣтовать не станемъ.
 „Мерзимся бѣгствомъ; отзовемся
 „только къ несчастнымъ Полякамъ,

„что опечесство ихъ возвращено;
 „что должно за шѣмъ оставишь
 „службу пирановъ своихъ и явишься
 „(въ самой вещи являющся и еже-
 „дневно болѣе являшься ихъ будешъ)
 „подъ знамена бѣлаго орла, кошо-
 „рый нѣкогда предковъ ихъ велъ
 „въ Москву! Скажемъ, что пришло
 „время восстанія Польши! что Кон-
 „федерация ея подъ предводительствъ
 „спвомъ Маршала Князя Адама
 „Черпорыскаго вызываешъ ихъ изъ
 „Россійской службы, что чеспъ и
 „вбра повелѣваешъ имъ соединишься
 „къ содѣйствію въ важномъ дѣлѣ
 „восстановленія опечесства.

„Предлагаете намъ сохраненіе въ
 „Россіи! хошишежъ, чтообы мы прс-
 „красныя обитанія промѣняли на
 „ужасной климашъ! имѣлижъ бы
 „мы выходишь изъ подъ покрови-
 „тельствва правъ просвѣщеннаго на-
 „рода а предавашъ насъ власти
 „господъ и подданичесству? нынѣ
 „еспешствуемъ людьми; въ то
 „время были бы скопомъ. И чѣмъ
 „же могли бы вы убѣдишь насъ!

„Стоитъ ли цѣлое государство
„ваше одной провинціи нашей?

„Говорите о конскрипціи. Кон-
„скрипція есть закономъ. Бо ми-
„ліоновъ обывателей доставляють
„новыхъ воиновъ войскамъ на-
„шимъ. Мы идемъ, ибо законъ
„великъ (1). Вы жь идете по
„выбору господъ, какимъ имѣние
„ваше и жизнь (2) подвластны;
„идете выбранные по волѣ ихъ, не
„зная причинъ выбора (3). Въ на-
„борахъ господа отдають васъ какъ
„воловъ и лошадей.

„Говорите о жестокости воен-
„ной. У васъ болѣе господствуешь
„истинная жестокость. Бьютъ васъ
„палками! никогда никакого спешени
„заслужишь не можешь! у васъ

(1) Этому законъ — самовольство свирѣпѣйшаго
изъ пирановъ.

(2) Презрѣннѣйшая клевета. — Только въ
Польшѣ господа имѣють власть надъ
жизнію рабовъ своихъ.

(3) Всякой знаетъ причину наборовъ: защище-
ніе церквей, домовъ своихъ, имуществъ и
отечества отъ грабителей.

„страхъ а не честь, есть основа-
 „ніемъ порядка! Не задолго освобо-
 „димъ собратій вашихъ, испре-
 „бимъ въ Россіи рабство и право
 „естества возвратимъ вамъ. Ка-
 „ждый крестьянинъ будетъ обы-
 „вашемъ государства (1), будетъ
 „властительемъ шрудовъ своихъ и
 „времени

„Тогда будемъ наговаривать васъ
 „къ побѣгу; тогда скажемъ, что
 „сражаемся за ваши права и род-
 „ства, что вы должны помогать
 „намъ противу тирановъ вашихъ.
 „Рабство есть противно правамъ
 „человѣчества и вѣры.

„Кончимъ благодарностію за
 „сообщеніе намъ плана кампаніи.
 „Уступайте, какъ сказываеше, *желаю*
 „насъ ввести. Признаемъ, что сіе
 „предостереженіе есть дѣйствиель-
 „нѣюго благородства. Не пере-
 „ставайшежь увѣдомлять насъ о
 „своихъ предиріяшяхъ, какъ благо-

(1) Брали! что же онъ такое теперь?

„родно начали уже. Мы спарашься
 „будемъ пользоваться симъ.“

Кому не извѣстна сія старая
 шутка? Подѣ глуповымышленнымъ
 отъзывомъ Россіянь и отвѣтомъ грена-
 дера Французскаго сильно опъзывающ-
 ся свойспвенная Французамъ ложь
 и недоспойныя никакого опшѣша
 пщеславіе и клевета сего легкомы-
 сленнаго народа, котораго не могла
 образумишь и самая революція —
 сіе губишельное порожденіе мни-
 мыхъ вольности, свободы и равен-
 ства, спойвшее и спойщее до сихъ
 поръ виновной и невинной крови
 человѣческой, рѣками пролишой и
 проливаемой, и звергнувшее въ
 испинное, безконечное рабство и
 въ тяжкія желѣзныя цѣпи націю,
 которая, подобно всякой другой,
 опщеческими успавами законнаго го-
 сударя управляемой, наслаждалась
 вольностию, свободою и равенствомъ
 столько, сколько наслаждающься ими
 добрые дѣши въ благоправномъ се-
 мействѣ! Уникамъ ли Наполеона
 Бонапарше говоришь о равенствѣ,

о свободѣ и вольности? Подѣ грознымъ его ли бичемъ проповѣдовавъ имъ сіи драгоценныя гражданскія блага, пребующія добродѣтелей въ царѣ и подданныхъ? Устами рабовъ Наполеоновыхъ оскверняющія имена самыя почтенныя!

Въ началѣ отпѣта *гренадерскаго* можно развѣ замѣшшь по одно, что онъ говоритъ въ пророческомъ духѣ о судьбѣ, нынѣ почъ въ почъ постигшей собраній и властелина его.

7 Октября, ровно черезъ пять недѣль жестокаго плѣна, въ копоромъ помилась вѣрная Царю своему и Богу Москва, Наполеонъ — сей впорый Навуходносоръ, возчувствовавшій — какъ написалъ одинъ почтенный соотечественникъ нашъ — *силу десницы Бога, благодарющаго Россіи*, выѣхалъ изъ ея долго спрадавшей, но всегда на благоспѣ Провидѣнія уповавшей Сполицы; выѣхалъ спремительно, посѣшно, на другой день ушромъ, по выходѣ ночью гвардій своихъ, въ слѣдъ за ними, по Кадужской дорогѣ, осцава жителей

между страхомъ и надеждою, и пяти-тысячный корпусъ, состоявшій изъ Поляковъ, Гишпанцовъ, Португальцовъ и Нѣмцовъ подъ начальствомъ Герцога Тревизскаго, для прикрытія выходящихъ обозовъ, тяжело нагруженныхъ безбожными добычами, для подорванія стѣнъ Кремлевскихъ и для превращенія въ пепелъ Дворцовъ Государевыхъ.

Около полудня мы услышали страшные удары, медленно одинъ за другимъ слѣдовавшіе и долго повпорявшіеся: зажигались пороховые магазины, близъ Симонова монастыря бывшіе. Это не предвѣщало ничего добраго для несчастныхъ жипелей, подконецъ *мучениковъ неизвестности!*

Въ томъ же самый день передъ вечеромъ десять или двенадцать человекъ Козаковъ изъ подошедшаго въ Москвѣ корпуса, командуемаго Генералъ-Лейтенантомъ Барономъ Винценгероде, влѣзло въ Прѣсенскую заставу и прогнало стоявшій

на Прѣсенѣ гарнизонѣ, захвативѣ нѣ-
 сколько человекѣ изѣ онаго. До-
 стойно замѣчанія, что изѣ двад-
 цати или тридцати пѣхотныхѣ сол-
 датѣ, гарнизонѣ составившихѣ, ни
 одинѣ не отважился поднять ружья
 своего и выстрѣлить по Козакамѣ:
 такѣ ужасенѣ непріятелю видѣ на-
 шихѣ Козакѣ, а особливо при не-
 чаянномѣ нападеніи! Тщешно кри-
 чалѣ Коммендантѣ, при извѣстїи
 что Козаки близѣ засавы: *строй-*
тесь! слыкайтесь! выступайте! гарни-
 зонѣ стоялѣ — кому гдѣ случилось —
 неподвижно, и наконецѣ бросилѣ
 бѣжашѣ вѣ разныя спороны. Ком-
 мендантѣ скрылся какѣ молнія.

Ночью сорокѣ человекѣ пѣхоты
 съ офицеромѣ пришли на мѣсто
 сего происшествія, и постоявѣ часа
 два, ушли обратно. Это былѣ оп-
 рядѣ отѣ находившихся восьмиде-
 сяти человекѣ пѣхоты съ одною
 пушкою у мѣльницы Прѣсенскихѣ
 прудѣ, на которой молотась пше-
 ница для пушеваго продовольствія
 убѣгающихѣ ордѣ. Вѣ полночь нѣ-

сколько мародеровъ кинулось въ дома, гдѣ кваршировали Коммендантъ и другой начальникъ, и принялись за свое дѣло. Вино, пиво и проч. *долженствовавшія* оспаваться послѣ нихъ, были для мародеровъ сильною приманкою (1).

На другой день (8 Октября) происходило сраженіе за Тверскою заставою между Польскою конницею и нашими Козаками. Пѣхопа неприятельская обратила шюремной замокъ, находящійся близъ оной заставы, въ крѣпость свою, весьма ея досшойную; спрѣляла изъ пушекъ и попомъ бросивши ихъ, ушла въ Кремль.

(1) Которая стоила мнѣ чрезвычайнаго беспокойства, а семейству моему чрезвычайнаго страха, ибо одинъ изъ сихъ домовъ по несчастію случился у меня въ сосѣдствѣ; хозяинъ былъ *эмигрантомъ*; люди его, оспававшіеся въ домѣ, бросились ко мнѣ на дворъ; мародеры за ними, требуя вина и грозя пожаромъ. Я сталъ удерживать ихъ отъ разбойничества просьбами, копорыя вскорѣ имъ наскучили, и они хотѣли схватить меня и пощипать съ собою; я ушелъ и выбѣжалъ за заставу, около которой разбѣжали Козаки, возвратился съ ними: но злодѣи между тѣмъ

Третій день (9 числа) проше́лъ въ перестрѣли́ и сшибахъ за Тверскою же заставою и въ нападеніи Розаками на засѣвшую близь упомянутой мѣльницы въ каменномъ домѣ пѣхоту съ пушкою, копорая дѣйствовала почти безпреспанно. Передъ вечеромъ пришедшій съ корпусомъ своимъ подъ Москву храбрый и славный Генералъ - Лейтенантъ Баронъ Винценгероде побѣхалъ со всею довѣренностію, обыкновенно свойственною истиннымъ героямъ, сопровождаемый только своимъ Адъютантомъ, на непріятельской пи-

нашли въ томъ домѣ вино, котораго усерднымъ людямъ жаль было до того, что они охотнѣе соглашались пожертвовать господскимъ домомъ Вулкану, чѣмъ лиципсья жеривоприношеній Бахусу, и скрылись. Родственницы мои, безъ меня, въ неизвѣстности; что со мною будетъ и гдѣ я, мучились ужаснымъ образомъ; и когда я вдругъ показался передъ ними, то въ радостныхъ слезахъ излилась благодарности къ Провидѣнію за милосердіе, что варварамъ не удалось разлучить насъ, и что грабители бывши на дворѣ, не вошли въ комнаты. Богу извѣстно, что я тогда чувствовал!

кетъ, внутри города споявшій, вброяшно для какихъ-нибудь переговоровъ, и вопреки военнымъ законамъ, копорые должны бытъ свящы не менѣе другихъ, взящы оба въ плѣнъ.

На четвертый день (10 числа), тѣ же переспрѣлки, тѣ же сшибки и по же нападеніе, копорыя происходили наканунѣ. Въ полночь, шемную, осеннюю и шуманную, страшный грохотъ разбудилъ жишелей и поразилъ ужасомъ свѣта-преспавленія. Окна дрожали, подобно сердцамъ нашимъ; удары, несравненно сильнѣише самыхъ близкихъ громовыхъ, повпорялись одинъ за другимъ, и эхо продолжая во влажномъ воздухѣ заглушающіе звуки, сливало ихъ между собою. Казалось, что земля пряслась подъ нашими окаменѣвшими спочами, и гошова была провалилась и поглошишь насъ, опчаянныхъ, несчастныхъ! Небо пылало багровымъ заревомъ. — Что же все эщо было? Кремлевскія башни и спѣны лепѣли къ облакамъ, взор-

ванныя минами, и горѣли Дворцы, въ то же время зазженные.

Съ ушромѣ (11 числа) послѣ ужасной бури, возсіяло солнце природы и благодати! Варвары очистили уходомъ — до одного человѣка — Москву, ими сквернимую и наконецъ свободно вздохнувшую. Генераль-Маіоръ Иловайскій занялъ ее своими Козаками и корпусомъ взятаго въ плѣнъ Барона Винценгероде. Жители не вѣрили еще своему избавленію. Но прошло нѣсколько спокойныхъ дней — и въ храмахъ Божіихъ излились жарчайшія моленія душевной благодарности ко Всевышнему, спасающему Россію,

Все любопытство жителей обратилось на одинъ и общій предметъ: цѣлы ли мощи въ Кремлевскихъ Соборахъ; ибо въ Кремль не дозволяли входа, для того что тамъ опыскивались и находились еще въ разныхъ мѣстахъ бочки съ порохомъ, копорыхъ вѣрояшно поропившіесь и выгоняемые непріятели зажечь не успѣли. Но Генераль - Маіоръ Ило-

вайскій вскорѣ успокоилъ жителей печальнымъ объявленіемъ, что всѣ мощи были цѣлы, только не на своихъ мѣстахъ; а по возвращеніи Московской Полиціи мы читали слѣдующій

„Приказъ по Арміямъ.

„Октября 19 дня, 1812 года.

„Къ общему свѣденію всѣхъ предводителей свѣуемыхъ мною Армій объявляется:

„Непріятель, съ самаго вступленія его въ Москву, жестоко обманушый въ своей надеждѣ найши тамъ изобиліе и самый миръ, долженъ былъ претерпѣвать всякаго рода недоспашки. Упомленный далекими походами, изнуренный до крайности скуднымъ продовольствіемъ, превозимый и истребляемый повсюду партіями нашими, кои пресѣкли у него послѣднія средства доставить себѣ пропитаніе посредствомъ збора ошъ земли запасовъ, потерявъ безъ сраженія многія тысячи людей, по-

„бишыхъ или взяшыхъ въ плѣнъ
 „опдѣленными нашими отрядами и
 „Земскими Ополченіями; не усма-
 „ривая впереди ничего другаго,
 „какъ продолженіе ужасной неудач-
 „ной войны, способной въ краткое
 „время уничтожить всю его армію;
 „видя въ каждомъ жителѣ война,
 „общую непреклонность на всѣ его
 „обольщенія, рѣшимость всѣхъ со-
 „словій грудью спояшь за любезное
 „Опечесство; прешерпѣвъ 6 числа
 „Октября при учиненной на него
 „апакъ сильное пораженіе, и по-
 „спигнувъ наконецъ всю суешность
 „дерзкой мысли: однимъ занятіемъ
 „Москвы поколебашъ Россію, пред-
 „принялъ онъ поспѣшное опспу-
 „пленіе всяпль, бросивъ на мѣстѣ
 „большую часть больныхъ своихъ,
 „и Москва очищена.
 „Къ прежнимъ извѣстнымъ уже
 „учиненнымъ Французами въ сей
 „Столицѣ неисповспвамъ, кои по-
 „сѣяли между Россійскимъ и ихъ
 „народомъ сѣмена вѣчнаго мщенія,
 „надлежало имъ подорвашъ минами
 „ивкошорыя мѣста въ Кремль;

„по — благодареніе Богу! — Соборъ
 „и Святые храмы оспались при
 „семь случаѣ невредимы.

„Теперь мы преслѣдуемъ силы
 „его, когда въ то же время другія
 „наши арміи снова заняли край Ли-
 „повской, и будутъ содѣйствовать
 „намъ къ конечному истребленію
 „врага, дерзнувшего угрожать Рос-
 „сии. Въ бѣгствѣ своемъ оставляетъ
 „онъ обозы, взрываетъ ящики съ
 „снарядами и покидаетъ даже со-
 „кровища, изъ храмовъ Божіихъ по-
 „хищенные. Уже Императоръ На-
 „полеонъ слышитъ рожки въ ря-
 „дахъ своего воинства; уже нача-
 „лись тамъ побѣги, голодъ и без-
 „порядки всякаго рода. Уже слы-
 „шанъ намъ гласъ Всеавгустей-
 „шаго Монарха, который зы-
 „ваетъ: „Попушите кровію непри-
 „ятельскою пожаръ Московской!“
 „— Воины! поспѣшимъ исполнить
 „сіе, и Россія будетъ вами доволь-
 „на, и прочной миръ водворится
 „въ неизмѣримыхъ ея предѣлахъ.
 „Богъ поможетъ намъ въ помъ,
 „добрые Рускіе солдаты!“

Жители радовались, почитали себя возставши изъ мертвыхъ и поздравляли другъ друга какъ въ Свѣтлое Воскресеніе; но съ прискорбіемъ увидѣли колокольню Ивана Великаго безъ креста и шара, можешь быть похищенныхъ Наполеономъ для умноженія *рѣдкостей* своего Музея, соспавленнаго изъ похищенныхъ сокровищъ цѣлой Европы. — Чрезъ пробиныя въ самой главѣ колокольни кругомъ дыры Наполеонъ смотрѣлъ въ зрительныя трубы на громады своихъ полчищъ, облажавшихъ столицу нашу, и на движенія окрестныхъ жителей, всегда гошовыхъ къ ея оборонѣ (1).

(1) Въ обѣгченіе спрадавшаго сердца моего и въ награду за потерянное имущество дозволяю себѣ похвалиться, что я, во все злополучное время, имѣлъ щастіе быть полезнымъ для согражданъ моихъ, поварницей въ бѣдствіи, для жителей одной со мною Части города, ходатайствуя день и ночь по кровнымъ жалобамъ людей всякаго сословія и пола на необузданныя своевольства солдатъ Наполеоновыхъ, коюрой со всею могущесвомъ своимъ надъ ними не въ силахъ удерживашъ ихъ въ спрогомъ повиновеніи: слѣдствіе закоренѣлой привычки къ ненасытной хищности,

Почти не проходило двухъ дней безъ пого, чѣобы войска непріа-

и непрестанно бодрствуя надъ предохраненіемъ отъ пожара домовъ, безъ изъятія въ *Прѣсенской* Часни деревянныхъ. Скажу смѣло: всѣ ея жители, тогда бывшіе, засвидѣтельствуютъ истину пого, что говорю объ услугахъ моихъ, впрочемъ каждымъ бы на моемъ мѣстѣ оказанныхъ, и не опасаясь упрека за нескромность; ибо нѣтъ правила безъ исключенія. Къ тому же что на свѣтѣ утѣшительнѣе щастія бытъ полезнымъ для ближнихъ — хотя бы въ томъ заключалась собственная наша, та или другая, выгода? Это обстоятельство не уменьшаетъ наслажденія душевнаго, которое будучи очень живо, спарается запечатлѣть себя въ глубинѣ чувствованій, какъ можно прочнѣе — всякими средствами. Къ симъ послѣднимъ принадлежатъ и нескромность говорить объ ономъ. Но кто не извинитъ ее? оно такъ рѣдко посѣщаетъ сердце человѣческое! . . . такъ дорого стоило мнѣ; ибо надлежало имѣть дѣло или съ высокоумнымъ Французомъ, или съ развратнымъ Полякомъ, и не думать ни о здоровьѣ, и безъ того ослабленномъ отъ скудной пищи, ни о покоѣ, которой давно былъ отнятъ. Но ежели охотно приносимыя оправдъ и облегченію въ тяжкой участи ближняго сими двумя драгоценнѣйшими благами жертвы увѣчавались каждый разъ успѣхомъ, то симъ обязанъ я добродушію и честности бывшаго на *Прѣснѣ* Коммендантомъ Голланд-

пельскія не получали приказанія
ожидашь другаго о вышпуненіи въ

скаго Подковника, которой часто, подобно мнѣ, вздыхалъ о своемъ опечесствѣ. Нѣкогда я спросилъ у сего почтеннаго и уже не молодаго человѣка о состояніи славныхъ Голландскихъ плопинъ. „Всѣ наши плопины, физическія и моральныя — опвѣчалъ онъ — разорваны, болѣе или менѣе, сокрушительною рукою, не взирая — примовилъ онъ горько улыбувшись и презрительно указавши на крестикъ свой — не взирая на *Coelincie* (*), пожалованное намъ сею же самою рукою, все у насъ опнявшею!“ Здѣсь глаза его наполнились слезами — онъ не могъ болѣе говорить.

(*) Надпись Голландскаго ордена, учрежденнаго Наполеономъ. Вошъ ея происхождение: Скилуръ, Царь Скиѣскій, чувствуя приближавшуюся кончину, созвалъ дѣтей своихъ, которыхъ было у него 80. Онъ подалъ имъ связку стрѣлъ, приказывая одному за другимъ переломить ее. Но какъ никто не могъ того сдѣлать, — Царь роздалъ имъ по стрѣлѣ и велѣлъ повпорить оныѣ: въ микушу всѣ стрѣлы были переломаны. „Такимъ образомъ — сказалъ родитель дѣтиимъ — погибнете и вы, когда перестанете жить въ согласіи.“ Мудрый совѣтъ Царя Скиѣскаго принявъ, чрезъ 17 вѣковъ, Голландскою республикою въ надпись ея герба, представлявшаго связку стрѣлъ, съ сими словами: *Viz unita fortior*, соединенная сила крѣпче.

походѣ, — и оспавались. Но всякой разѣ при такомъ случаѣ говорили, что они идущѣ въ Пешербургѣ, въ Вышенскѣ, въ Ригу, въ Казань, въ Кіевѣ и потомѣ признавались, что никто ничего не знаетѣ, не исключая Королей и Принцовѣ, за минушу до происшествія, какого бы оно рода ни было. Это всего вѣрояннѣе.

Вообще духѣ безпокойства примѣненѣ былѣ какѣ въ солдатахѣ, такѣ въ офицерахѣ и Генералахѣ, не взирая на такія ихѣ расположенія, общія и частныя, копоры заставляли думать, что непременно останущя зимовать въ Москвѣ, или пробудущѣ въ ней очень долго и очень спокойно. Вѣчные пруже-

Въ другое время онѣ сказалѣ мнѣ съ горестію: „Въ арміи Наполеона служилѣ и сынѣ мой; онѣ здѣсь, но я не только что не вижу съ нимѣ, не знаю даже, гдѣ онѣ именно, куда писать къ нему; наконецѣ остаюсь въ неизвѣстности, живѣ ли онѣ!“ — Что за мрачныя облака скрываютѣ все Наполеоново! Но мы уже называли его *геніаль тизм*.

ники обманывались сами, подобно намъ; но мы видимъ нынѣ испину, а они все обманываются и будущъ обманывашься до той крайней почки, копорая опкроетъ имъ глаза надъ неминуемою бездною, коварствомъ и власполюбіемъ для легко-вѣрныхъ жертвъ своихъ изрышою.

Обращаясь къ Поэту, подавшему мнѣ матерію для вспуления въ сіе историческое извѣстіе, говорю съ восторгомъ сердца, проникнушаго благодѣтельными лучами свѣпозарной испины: „Божественное Правосудіе, ушомившись беззаконіями варваровъ, избрало насъ для конечнаго ихъ испребленія, и — если нужно — для опустошенія ихъ странъ безумѣшныхъ.“

Честъ и слава мужеству Опечесства! Честъ и слава вѣрности сыновъ его!

К о н е ц ъ .

О Ш И Б К И.

Стран. 8, стр. 2 съ низу напечатано:
1813; должно: 1812.

Стран. 11, стр. 2 сверху: Адда, Мелла,
Тарв; должно: Адды, Меллы, Тара.

Стран. 29, стр. 4 съ низу: мблькомб;
должно: мелькомб.

Можетъ быть найдутся и другія
тилографическія ошибки — благосклон-
ные Читатели поправятъ.
